

Интеллектуалы Древнего мира (часть 3)

© А.О. Крылов

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Москва, 105005, Россия

Православный Свято-Тихоновский университет, Москва, 115184, Россия

Исследован феномен ранних государств Древнего Египта и Месопотамии через анализ их политической теологии. Выявлены сакральные основания царской власти и определен статус носителей знания в структуре первых государственных образований. Показано, что «первичные» государства представляли собой сложные ритуально-символические системы («государства-храмы»), основанные на теологии царственности. Власть монарха трактовалась как делегированная свыше и сочетающая суверенные и пастырские функции. Научная новизна заключается в идентификации жрецов-заклинателей (ишибов в Месопотамии и херихебов в Египте) как первых интеллектуалов древности, которые сочетали эзотерические знания с высоким положением в государственной иерархии. Особое внимание уделено роли письменности не только как инструменту управления, но и как сакральному явлению.

Ключевые слова: царская власть, политическая теология, Древний Египет, Древняя Месопотамия, сакрализация власти, ранние государства

Феномен возникновения первых государств в Египте и Междуречье IV–III тыс. до н. э. обычно объясняют социально-экономическими факторами. Однако такой подход оставляет без ответа важнейший вопрос: каким образом возникла сама идея концентрации беспрецедентной власти в руках одного человека — царя — и в созданном им аппарате управления? Современная наука предлагает искать ответ в области политической теологии, которая представляла царскую власть как неотъемлемую часть миропорядка [1–7]. Как показано в предыдущих частях статьи¹ [8, 9], древнее понимание мудрости имело два аспекта: мудрость как искусство правильной жизни и тайную мудрость — способность устанавливать личные связи с духовным миром и обретать сверхъестественные силы. Если государство является не только политическим и экономическим, но и ритуально-символическим феноменом, то как в нем проявились оба аспекта мудрости и кого из мудрецов Египта и Месопотамии можно назвать интеллектуалами?

¹ Многие термины и концепции, подробно рассмотренные в предыдущих частях статьи, в этой публикации употребляются без оговорок и специальных объяснений. Читатель, желающий подробнее ознакомиться с такими терминами, как имплицитная теология или онтологическое понимание мудрости, может обратиться к вышеупомянутым работам.

Первичные государства: Месопотамия и Египет. В конце IV тыс. до н. э. в Южной Месопотамии сложилось политическое объединение шумерских городов под гегемонией Урука — культового центра бога Ана и богини Инанны [10, с. 47]. Союз, по всей видимости, обладал общими экономическими, военными и культовыми институтами, которые подчинялись царю-лугалю и общесоюзной иерархии царских служителей [11, с. 68–73, 153, 154, 190, 191]. Союз был настолько влиятелен, что шумеры основывали колонии в Северной Месопотамии [10, с. 67]. Это образование можно считать одним из первых государств.

На рубеже IV–III тыс. до н. э. шумерский союз пришел в упадок, вероятно, из-за климатических изменений. Раннединастический период (XXX–XXIV вв. до н. э.) характеризовался полицентризмом: каждым городом от имени местного божества-лугалья правил верховный жрец (эн или энси). Лишь некоторые правители (например, из Киша или Урука) носили титул лугалья. Лугали могли возглавлять совместную оборону шумеров против внешних угроз, но никогда не вмешивались во внутренние дела городов [10, с. 90].

В конце раннединастического периода (XXVI–XXIV вв. до н. э.) началась борьба за гегемонию между Уром, Лагашем и другими городами. Ниппур, культовый центр бога Энлиля, стал главной святыней Шумера. Лугальзагеси, энси Уммы, объединил шумерские города под своей властью с титулом «лугаль Урука и лугаль Страны», но потерпел поражение от Саргона Аккадского, опиравшегося на северные территории и сильную армию.

Саргон объединил Месопотамию и основал Шумеро-Аккадское царство (XXIV–XXII вв. до н. э.) со столицей в Аккаде. Держава Саргонидов расширилась на север и восток. Внук Саргона, Нарам-Суэн, подавил восстание шумерских городов и принял титул «царя четырех сторон света». Вскоре царство пало под натиском горцев-кутиев, которые захватили царскую власть. В начале XXI в. до н. э. Шумеро-Аккадское царство было восстановлено Утухенгалем из Урука, а затем правителями Ура, основавшими III династию Ура (ок. 2111–2003 гг. до н. э.). Государство III династии Ура было крайне централизованным. Его гибель была вызвана вторжением амореев и эламитов. Цари династии Исин правили в XX в. до н. э., но их борьба с Ларсой за гегемонию ослабила регион, и к XIX в. до н. э. Месопотамия распалась на отдельные царства [12, с. 233–292; 13, с. 73–81; 14, с. 191–211].

***

История Египта отличалась большей стабильностью по сравнению с Месопотамией. На рубеже IV и III тыс. до н. э. в долине Нила сформировалось государство, объединившее два региона: Верхний Египет (узкая долина реки на юге) и Нижний Египет (северная часть долины

и Дельта). Процесс объединения древних локальных центров остается малоизученным.

Первые века существования египетского государства принято называть эпохой Раннего царства. Территория страны была разделена на административные единицы — номы, во главе которых символически стояли местные божества. Царь-*фараон* (сам титул возник значительно позже) обладал верховной властью. Ближе к концу периода столицей Египта стал Мемфис в Нижнем Египте.

Расцвет египетской государственности пришелся на эпоху Древнего царства (XXVII–XXII вв. до н. э.), отмеченную стабильностью и высокими урожаями благодаря регулярным разливам Нила. Фараоны контролировали все аспекты жизни страны. Апогей власти царей приходится на правление с IV династии и был ознаменован строительством великих пирамид. В сферу влияния Древнего царства входили Ливия, Нубия и Левант.

С XXIV в. до н. э. похолодание привело к уменьшению разливов Нила и сокращению пахотных земель. Истощение казны и сокращение государственных выплат обострили внутреннюю борьбу. Номархи (правители областей) усилили свою независимость.

В XXII в. до н. э. начался Первый переходный период: единое царство распалось на номы, управляемые династами. Фараоны Мемфиса утратили реальную власть. Позднее претензии на царский титул предъявили правители Гераклеополя (Нижний Египет) и Фив (Верхний Египет). В XXI в. до н. э. Фивы одержали победу, что положило начало эпохе Среднего царства. Переходный период сохранился в памяти египтян как время хаоса и междоусобиц [13, с. 56–89; 14, с. 106–114; 15, pp. 48–87].

Теология царства. «Первичные» государства отличались от иных потестарных организаций не численностью населения или площадью контролируемой территории, но особой политической теологией царства [16, с. 91].

Древние общества воспринимали мир как существующий согласно изначально установленному порядку — *закону-правде-справедливости* [8]. Однако этот порядок нарушался проявлениями хаоса, лжи и несправедливости. Восстановить миропорядок можно было либо через уничтожение и новое творение [17, с. 328–346], либо через актуализацию изначальной творческой силы. Последнее предполагало наличие суверенной власти, способной приостанавливать божественный закон и восстанавливать гармонию [18, с. 8–17; 19, с. 21–89]. Такая власть издревле описывалась с помощью метафоры пастыря, заботящегося о стаде, и потому может быть названа пастырской [20, с. 183–187]. Носитель обеих форм власти — суверенной и пастырской — являлся царем.

Изначальным обладателем суверенной власти считался божественный Творец, однако в древневосточных космогониях он обычно

представал удаленным от мира (*deus otiosus*) [8; 17, с. 59–64]. Непосредственное управление миром осуществляли младшие боги, но их власть была ограничена искони определенными им областями, и ни одно из этих божеств не могло нарушить изначальный мировой закон. «Чудеса» таких богов были лишь редкими проявлениями божественной силы в установленных рамках [21, р. 76]. Пастырской властью они не обладали: локальные боги управляли территориями, предки заботились о потомках, личные божества — об отдельных людях [20, с. 183, 184].

Однако из сонма богов выделялось одно величайшее божество, олицетворявшее принцип *мудрости-правды-справедливости* и следившее за его соблюдением во всем мире. Это божество, являвшее миру суверенную власть сокрытого Творца и властвовавшее над прочими божествами, обычно именовали Царем богов. Таким образом, Творец делегировал свою суверенную власть Царю богов, чтобы тот осуществлял пастырскую власть — правил миром через иерархию младших богов и духов и творил справедливость [17, с. 64–71; 22, с. 117–142].

Царь богов, в свою очередь, являл власть в смертном мире через Царя людей — фигуру, принадлежащую одновременно божественному и человеческому мирам. Это был человек, в котором обитала особая духовная сущность, наделяющая его суверенной и пастырской властью. Он представал «младшим пастухом», которому Царь богов вручил попечение о человечестве [20, с. 183].

Особо близкие отношения между божеством и царем часто описывались в категориях родства: царь представал как супруг или сын божества. Потому обретение человеком власти через брак с «нечеловеческой невестой» — распространенный мифологический сюжет [23, с. 485], а государь и много позже понимался как супруг своего государства [24, с. 315–317]. Ритуалы коронации символизировали вхождение в «семью богов» либо через брак, либо через усыновление, либо через раскрытие божественного начала, пребывавшего в будущем царе от рождения. Материальными воплощениями сакральной природы власти выступали регалии (корона, жезл и пр.), часто понимаемые как вместилища божественных сил. Сама царственность понималась как сущность, отдельная от смертной личности правителя, что отразилось в метонимии («корона», «трон», «дворец» для обозначения верховной власти) [5, с. 29–39].

Таким образом, царь выступал посредником между божественным и человеческим мирами, призванным через ритуал поддерживать порядок в природе (как части божественного мира) и через правосудие — среди людей. Для осуществления этой миссии царь делегировал власть служителям, что положило начало государству как системе институтов и практик управления.

Теология царства в Месопотамии: Ан и Инанна. Ранние этапы развития месопотамской религии очень плохо отражены в источниках. Шумерская космогония неизвестна, а гипотезы, построенные на

поздних текстах, остаются спекулятивными. Наиболее ранние источники, содержащие определенные сведения о верованиях, относятся лишь к середине III тыс. до н. э., а записи мифов и эпоса — к XXI–XX вв. до н. э.

Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что уже в конце IV тыс. до н. э. верховным божеством почитался Ан, владыка небес, который в незапамятные времена установил миропорядок, распределив *ме* — внутренние смыслы вещей, явлений и действий [8; 25, с. 40–186]. Его храм, Эанна, располагался в Уруке. Клинописный знак «небо» (Ан) служил детерминативом божественности (дингир).

Однако центральным культом, вокруг которого консолидировалось шумерское городское объединение, был культ Инанны — древнейшего божества, непосредственно связанного с институтом царской власти. Именно этот культ требует детального рассмотрения.

Современное понимание Инанны осложнено двумя факторами: наследием устаревших научных интерпретаций и синкретизмом образа божества. Долгое время в науке, вслед за античной традицией, доминировал взгляд на Инанну как на богиню плотской любви. Однако сегодня ясно, что шумерский культ Инанны не был генетически связан с ближневосточными культами Матери богов вроде западно-семитской Ашеры, хотя впоследствии повлиял на образы средиземноморских богинь [26, pp. 191–194]. Реконструкции, предполагающие ритуальное соитие царя с жрицей, основаны на теориях Дж. Фрезера и не находят подтверждения в источниках. Не соответствуют действительности сообщения о храмовой проституции, трансвестизме или самокастрации жрецов Инанны [26, pp. 20–24, 55, 67–69]. Таким образом, ее культ не был ни фрезеровским «культом плодородия», ни «культом Великой Матери» в интерпретации М. Гимбутас [26, pp. 188–190; 27, pp. 6–21, 72–74].

Еще одна проблема заключается в том, что многие известные черты божества сложились лишь в конце III — II тыс. до н. э. в условиях синкретизма шумерской Инанны и семитской Иштар. Нет оснований полагать, что в 3200–2500 гг. до н. э. Инанну почитали как богиню в гендерном смысле: шумерский язык не знал грамматической категории рода, а антропоморфные изображения божеств появляются лишь во второй половине III тыс. до н. э. Кроме того, Инанна изначально не была астральным божеством: ее связь с планетой Венера установилась только на рубеже III–II тыс. до н. э. и первоначально носила метафорический характер [28, с. 98–102].

Значение шумерского имени «Инанна» остается неизвестным, в аккадском языке клинописная логограмма INANA читалась как состоящая из элементов «лицо, облик» и «земля, страна». Считается, что эта логограмма происходит от древнейшего символа божества — сакрального объекта в форме столба (возможно, туго связанного пучка тростника)

с закругленным навершием, к которому крепилось подобие флага или лопасти [26, pp. 19–20; 29, pp. 113, 114]. Другими ключевыми символами, связанными с Инанной, были звезда (указывавшая на ее сакральный статус) и цветочная розетка [30, p. 119; 31, с. 89–95].

Шумерские тексты позволяют реконструировать целостный и уникальный образ божества, радикально отличающийся от прочих богов Месопотамии.

Инанна не отождествляется с какой-либо конкретной космической силой или сферой ответственности. Ее облик прекрасен и сияет *ме* [26, p. 88]. Ее основная функция — поддержание миропорядка, основанного на *мудрости-правде-справедливости*. Инанна определяет судьбы, но, в отличие от других богов, обладает прерогативой нарушать установленные законы и изменять их [26, p. 70]. Тот, кто горделиво преступает закон, встречается с Инанной в бою, где божество побеждает и восстанавливает справедливость [26, pp. 161–176]. Любовь Инанны дарует радость всему живому [26, p. 76].

Инанна — самое близкое к людям божество. Она получает *ме* от старших богов, чтобы передать их человечеству. Своим избранникам-царям Инанна становится супругой и матерью, даруя им любовь и свои *ме*. Божество помогает возлюбленным в войне, ведет их войска к победе. Инанна именуется «пастырем» и помогает царю осуществлять его пастырскую власть [26, pp. 110–118, 122–123]. Хотя божество не властвует над миром мертвых, Инанна может вывести избранника из царства смерти [26, pp. 103, 105, 174–179].

Таким образом, Инанна — это прежде всего божество царской власти и государства. Если Ан установил миропорядок, то Инанна обладала властью объявлять «чрезвычайное положение», приостанавливая законы для восстановления высшей справедливости — истины. Как «пастырь», она проявляла личную заботу о своих избранниках. Это делало Инанну одним из важнейших божеств Древнего Востока, чей культ оказывал влияние на религиозную жизнь народов Средиземноморья на протяжении тысячелетий [32, 33].

Эволюция теологии и политики. Ослабление центральной власти в Южной Месопотамии в Раннединастический период шло параллельно с переменами в теологии. Ан стал *deus otiosus*, не имевшим своего культа. Миром от имени Ана правили младшие боги, каждый из которых «пас» свой город-государство. Эта система «божественного феодализма» лежала в основе политического полицентризма Шумера. Лишь в случае внешней угрозы правитель-жрец мог получить чрезвычайные полномочия и титул *лугалья*, вручаемый, как считалось, всеми богами Шумера [5, с. 90, 91; 10, с. 90].

При этом Шумер считался общим владением всех богов: помимо главного культового центра, святилища могущественных божеств были в других городах. Так, хотя городом Инанны был Урук, локальные

культы божества существовали в Кише, Забале и Уре, а также, вероятно, в других городах [27, р. 72]. В свою очередь, правитель Урука Энмеркар в Царском списке назван «сыном Уту», бога солнца и правосудия. Впрочем, последнее могло быть эпитетом, выражавшим справедливость Энамеркара.

Инанна почиталась не только как городское божество, но и как личный покровитель правителя. Шумерский эпос повествует о том, как божество покидает далекую страну Аратту и переходит на сторону Урука, помогая своему избраннику Энмеркару одержать победу с помощью магии [26, pp. 136–138].

В середине III тыс. до н. э. возвышается Ниппур — культовый центр бога ветра Энлиля. Из второстепенного божества Энлиль превращается в Небесного царя, земного наместника и активного выразителя силы Ана, сочетающего суверенную и пастырскую власть [34, pp. 103–145, 227–235]. Эта теология стала основой для «пан-месопотамских» политических проектов. Лугальзагеси, стремясь укрепить власть над всей «страной черноголовых», не ограничился титулом «лугаль Урука» от храма Ана и Инанны, но также получил в Ниппуре от жрецов Энлиля титул «лугаль-калам-ма» («царь страны»). Это была новация, не имевшая прецедентов [10, с. 196; 34, pp. 145–147, 236–238].

Новую теологию власти перенял победитель Лугальзагеси, Саргон Аккадский. Саргон и его потомки носили титул «лугаля страны», получаемый в Ниппуре, оказывали поддержку культурам Энлиля, Нанны-Суэна и Инанны-Иштар. Новацией стало личное обожествление правителя: Нарам-Суэн после успешных походов принял титул «царя четырех сторон света» и стал почитаться как бог-покровитель своей столицы, Аккада. Его преемники, столкнувшись с кризисом, отказались от божественного титула, а позже даже возникла легенда, что гордыня Нарам-Суэна, проявившего непочтение к Энлилю, стала причиной падения царства [5, с. 94, 95].

Политическая теология III династии Ура синтезировала наследие Лугальзагеси и Саргонидов: царь получал власть от Энлиля и состоял в особых отношениях с Инанной-Иштар и Нанной-Суэном, но теперь он также почитался как живое божество. Цари династии Исина продолжили эту традицию, включая обожествление монарха. В последующие века обладание Ниппуром и признание его жречества давало правителям право на титул «царя страны» [5, с. 95, 96].

Теология царства Египта. Ранние египетские представления о начале мира (конец IV — первая половина III тыс. до н. э.) плохо поддаются реконструкции. Древнейший письменный источник «Тексты пирамид» не содержит целостной космогонической доктрины. На основе более поздних текстов египтологи выделяют две основные традиции:

1) *мемфисская космогония*: бог Птах, предвечный Творец, создает мир мыслью («сердцем») и словом. Он создает солнечного бога Атума и восемь первобогов;

2) *гелиопольская космогония*: бог Хепри самозарождается в первобытном океане Нун, устанавливает порядок и порождает восемь богов (Эннеаду).

Несмотря на споры о происхождении и соотношении мемфисской и гелиопольской традиций, обе космогонии сходятся в том, что существуют девять ключевых божеств: солнечное божество (Хепри/Ра/Атум в своих разных проявлениях), Шу (воздух), Тефнут (влага), Геб (земля), Нут (небо), братья Осирис и Сет, сестры Исида и Нефтида [35].

Миропорядок, установленный при творении мира, именовался египтянами *маат*. Это понятие употребляется уже в текстах II–IV династий. Символом Маат была фигура, похожая на перо [36, pp. 90, 91]. Позже богиня Маат будет изображаться в виде крылатой женской фигуры с символом *маат* на голове [37, pp. 37–39]².

Последний акт космогонии составляли мифы об Осирисе, состоявшие из трех «конstellаций» [2, с. 192–255; 38, с. 143–145, 178–180, 191–194]:

1) *убийство Осириса*: Осирис — первый царь. Его убивает брат Сет, который узурпирует престол. Исида, супруга Осириса, совершает погребальные обряды и бальзамирует тело мужа;

2) *рождение и воспитание Гора*: Исида зачинает от мертвого Осириса сына, Гора, и скрывает его от Сета. Брак Сета и его сестры Нефтиды бесплоден;

3) *борьба Гора и Сета и восстановление порядка*: Гор как законный наследник вступает в борьбу с Сетом. В конфликте они взаимно калечат друг друга (Гор теряет Око, Сет — гениталии), что приводит мир в состояние разлада (*исфет*). Бог Тот исцеляет обоих богов. Суд под председательством Геба присуждает престол Египта Гору, а Сету отдает прочие земли. Гор воскрешает Осириса, передав ему Око, и тот становится царем мира блаженных усопших, Дуата. Миропорядок восстановлен.

Мифы об Осирисе были основой египетской теологии царственности, которая развивалась с Раннего царства вплоть до эпохи IV–V династий [2, с. 192, 193].

Древнейшие представления египтян связывали фараона с Хором и Сетом, а также с божествами венцов Верхнего и Нижнего Египта (Нехбет и Уаджет). Уже в «нулевую династию» царь принимал «хорово имя» [5, с. 61], с I династии — имя «Обе Владычицы», а со II династии — «сетово имя» [5, с. 63; 39, с. 18].

² Нельзя не отметить поразительное сходство символа и антропоморфного образа Маат с символом и образом Инанны.

Божественный статус фараона объяснялся через концепцию *ка* — имени, понимавшегося как особая сущность, духовный двойник именованного [40, с. 20–48]. *Ка* фараона не такое, как у прочих людей, оно есть явление бога Хора. Таким образом, царь телесно человек, но духовно — бог; Египтом правит земное воплощение божества. Это выражали титулы «Хем» («Величество», букв. «воплощение») и «золотое имя» (иероглифы Хора и золота как материального явления божественной славы) [5, с. 68–70].

Богочеловеческая природа наделяла фараона суверенной и пастырской властью. Титул *несу-бити* («[принадлежащий] тростнику и пчеле») символизировал власть царя над противоположностями: Верхним и Нижним Египтом, небом и землей, миром живых и мертвых, богов и людей [5, с. 63, 66–70; 7, с. 102–103]. Этим титулом обладали только боги и фараоны, это была суверенная творческая власть, которая восходила к моменту творения мира [7, с. 70].

Умерший фараон отождествлялся с Осирисом, к нему возвращались силы Гора и Сета, он обретал Око Гора и царственность загробного мира. Сам правитель становился божеством, обеспечивающим посмертное блаженство своим верным слугам, и выступал посредником между мирами [7, с. 147–159, 173].

Расцвет и кризис царского культа. Наступление Древнего царства ознаменовалось подъемом царского культа. Погребальный комплекс фараона стал главным сакральным центром Египта, а строительство этих монументальных сооружений начиналось сразу после восшествия царя на престол [39, с. 91]. Архитектура гробниц развивалась от мастаб к пирамидам, первая из которых, ступенчатая, была частью заупокойного комплекса Джосера (III династия). Апогей царского культа пришелся на правление IV династии, когда были построены великие пирамиды в Гизе. Имя фараона в этот период стало заключаться в *кар-туш* (символ вечности и божественный детерминатив) [5, с. 65].

С середины III тыс. до н. э. возрастает роль культа бога солнца Ра, возвышается Гелиополь — культовый центр божества. Ра почитался как царь мироздания. Вероятно, тогда же оформилась Гелиопольская космогония [35, с. 13, 14]. Это отразилось на теологии царственности: уже при Хуфу (XXVI в. до н. э.) культ Ра стал государственным, а фараон — явлением солнечного божества. При поздних правителях IV династии у пирамид строятся храмы Ра, а в титулатуру фараона включается «солнечное имя», указывавшее, что фараон есть сын Ра [5, с. 65].

Основатель V династии, происходивший из семьи верховного жреца Ра, обосновывал свои права происхождением от Ра. В период V–VI династий фараон почитался как земное воплощение Ра, «младшее Солнце» [39, с. 19]; «солнечное имя» стало обязательной частью титулатуры [5, с. 65]. Заупокойный культ изменился: усыпальницы

стали скромнее, но рядом возводились храмы Ра, где непрестанно поминалось имя фараона-«ктитора», что должно было обеспечить усопшему царю вечную жизнь [7, с. 174; 39, с. 93]. Стены гробниц покрывались сакральными речениями «Текстов пирамид» для вечного воспроизведения ритуалов.

Важное место в этих текстах занимала Маат, которая именовалась «дочерью Ра», а сам Солнечный бог назван «владыкой Маат». Фараон обретал бессмертие именно потому, что в земной жизни он «творил Маат» [37, с. 40–58].

В этот период окончательно сложилась египетская теология царственности: при коронации на фараона нисходила сила Ра, в нем поселялась божественная *Маат* (Мудрость-Порядок), а также божественные Воля и Знание, возникшие из крови Солнца. Таким образом, царь обладал безошибочным познанием и творческим словом, он единственный из людей был способен в полноте знать и творить *Маат* и тем самым бороться с *Исфет* — ложью, искажением [5, с. 67]. Как «сын Ра» фараон обладал могуществом, почти равным Ра, — царь мог повелевать людьми и богами одним словом, не только поддерживать порядок в Египте, но и приносить его в другие земли.

Крушение Древнего царства вызвало кризис теологии его царственности. Возник вопрос, почему фараон, ранее столь могущественный, теперь не может влиять ритуалами на богов и людей [5, с. 183]. Под сомнение была поставлена спасительная роль царского заупокойного культа [7, с. 185]. В Первый переходный период сложилась новая теология царства: царь стал пониматься как пастырь на службе у Верховного бога, а царственность — как долг и служение. Несправедливый царь мог привести свое государство к катастрофе. Загробная участь фараона стала представляться сходной с участью простых смертных — судом Осириса [7, с. 78, 79].

Институты царской власти: иерархия. Обладая всей полнотой суверенной и пастырской власти, земной царь делегировал ее своим служителям: военачальник командовал войском, жрец совершал ритуал, начальник строительства — возводил стену. Однако все они действовали *именем царя* и строго в рамках данных им полномочий. Царь мог в любой момент отозвать делегированную власть или перераспределить ее.

Государство мыслилось как храм, где царь был вместилищем божества, дворец — святилищем, а чиновники — жреческим персоналом. Царский культ интегрировал в себя все прочие культы. Для царских слуг *фараон* или *лугаль* был могущественным личным богом, чья власть превосходила силу местных божеств или предков.

Основу властной иерархии в раннем государстве составляли не *homines novi*, а представители местной элиты — старейшины и вожди,

уже обладавшие традиционной властью в своих общинах. Расширяя границы царства, монарх обычно подтверждал полномочия локальных элит и принимал от них присягу верности. При этом местные правители, подчиняясь царю, не утрачивали свою власть, а приумножали ее: власть, полученная от царя, была выше традиционной и позволяла выходить за рамки местных обычаев. Таким образом, делегирование власти в царстве не ослабляло, а усиливало правителя — в отличие от негосударственных потестарных институций, где старший правитель лишался возможности управлять тем, что передавалось в подчинение младшему правителю [16, с. 131–139]. Кроме того, царь мог делегировать власть и тем, кто изначально ею не обладал — простолюдинам, рабам или иностранцам. Подобно тому, как глава рода мог включить пленника в семью через посвящение в родовой культ [9, с. 6], царь включал таких людей в государственную иерархию. Всецело зависимые от монарха, они становились идеальными исполнителями его воли, свободными от обязательств перед родовыми культами [16, с. 122, 123].

Со временем царские служители сформировали особую социальную группу — профессиональный управленческий аппарат, получавший за свой труд вознаграждение от государя. Этот аппарат был очень малочисленным и выполнял только узко определенные функции [16, с. 120, 121].

Ключевым отличием царских приближенных от личных слуг вождя было то, что первые служили не человеку-правителю, а *царственности* как сакральной сущности. Это различие заложило основу для концепции, которая тысячелетия спустя получит название *raison d'État* («государственный интерес»), или «интерес короны» [24, с. 452–576].

Царь как примиритель богов и людей. Первой и важнейшей обязанностью царя-пастыря было посредничество между богами и людьми, установление и поддержание миропорядка. Ритуалы, совершаемые царем, обеспечивали взаимность: боги даровали благоденствие царству, а люди приносили им жертвы. Без этих ритуалов мир погружался бы в хаос. Поэтому ритуальная функция царя была важнее всех прочих — административные и военные обязанности обычно делегировались служащим, чтобы монарх мог беспрепятственно исполнять все положенные обряды. Культурное единство, таким образом, становилось прочной основой государственности [39, с. 181].

Месопотамия: царь и культовые центры. В Месопотамии уже первые изображения царя в Уруке IV тыс. до н. э. указывают на участие правителя в ритуалах. Ранний союз шумерских городов (конец IV тыс. до н. э.) был построен вокруг культа Инанны: правители отправляли дары в храм Эанну, а в городах существовали местные святилища божеества [10, с. 46, 47, 62, 88, 89].

В Раннединастический период Шумер воспринимался прежде всего как культовая общность, «владение богов». Даже правитель, принявший

титул *лугаля*, оставался в первую очередь верховным жрецом городского божества [41, с. 132, 133]. Цари были глубоко вовлечены в загробный культ, что отразилось в царских погребениях Ура, где гробницы монархов окружали захоронения слуг. Позднейшие изложения мифов о «царских» божествах Инанне и Энлиле содержали сюжет о схождении божества в мир мертвых [7, с. 317–319].

Цари Шумеро-Аккадского царства проявляли особую заботу о важнейших культовых центрах. Нарам-Суэн, внук Саргона, построил новый величественный храм Энлиля в Ниппуре [34, pp. 240–243]. Также почитались Инанна в Уруке и Нанна в Уре. Два последних божества стали рассматриваться как дети Энлиля, образуя триаду «царских» божеств.

Важным вкладом Саргонидов в религиозную жизнь Междуречья была поддержка ими шумеро-аккадского религиозного синкретизма. Жители Центральной Месопотамии, будучи семитами, исторически контактировали как с шумерами юга, так и с семитскими народами севера [10, с. 120, 121]. Их пантеон, однако, отличался: они почитали верховное двуаспектное божество (мужское Илу / женское Аштар) и ряд младших божеств, среди которых выделялся Суэн, бог луны и скотоводства. Еще в раннединастический период началось отождествление семитских и шумерских божеств: Илу — с Аном, Суэн — с Нанной, Аштар/Иштар — с Инанной. Этот синкретизм создал сложные, многоликие образы божеств [27, р. 74; 29, pp. 111, 112]. О двух из них следует сказать подробнее.

Нанна и Суэн. Шумерский Нанна (с кон. IV тыс. до н. э.) — великое небесное божество Луны, покровитель Ура. Семитский Суэн — также бог Луны, но при том еще покровитель плодородия и скотоводства (полумесяц как «рога»). Сближение двух божеств, шумерского и семитского, шло долго, но еще во второй половине III тыс. до н. э. «двойственный» характер лунного бога сильно ощущался [42, pp. 880, 881]. Саргон назначил свою дочь Энхедуанну верховной жрицей Нанны-Суэна в Уре. В текстах эпохи Саргонидов встречается много теофорных имен, связанных с Суэном, такое имя носил величайший из преемников Саргона, Нарам-Суэн [42, pp. 885–887].

Инанна и Иштар. Слияние двух культов придало божеству выраженный антропоморфный женский облик. Во второй половине III тыс. до н. э. появляются — прежде всего в семитских городах — изображения крылатой женщины в рогатой тиаре, отождествляемые с Иштар [29, pp. 113, 114]. Иштар была покровительницей Аккада, сам Саргон связывал свое возвышение с покровительством богини, «возлюбившей» будущего царя. Энхедуанне приписывают эмоциональные гимны, где Инанна предстает утешительницей и избавительницей [26, pp. 16, 18].

При III династии Ура и династии Исина в Месопотамии сложилась модель государства-храма во главе с обожествленным царем. Ниппур

сохранял статус важнейшего сакрального центра: храм Экура считался местом, где встречаются небо и земля, где собирается совет богов во главе с Энлилем [43, р. 76]. Нанна-Суэн, покровитель Ура, стал главным божеством царства; в его честь воздвигли колоссальный зиккурат Этеменнигуру и проводили пышные праздники. Цари носили теофорные имена — Амар-Суэн, Ибби-Суэн. Культ Иштар также имел большое значение: известен текст, повествующий о визите царя Шульги в храм Инанны, где он ритуально вступил в брак с богиней, а та определила своему избраннику благоприятную судьбу и вручила Ме. Затем Шульга отправился в храмы Нанны и Уту, чтобы получить Ме от этих богов. Данный текст стал основой для многообразных рассуждений о священном браке как ключевом обряде Месопотамии. Однако нет возможности установить, существовал ли подобный ритуал и как он проходил [29, pp. 109, 110]. В царском доме почитался сирийский бог Дагана — «отец богов» и небесный царь западных семитов [44, с. 61].

Правление династии Исин (ок. 2017–1794 гг. до н. э.) проходило в условиях нараставшего кризиса. Цари пытались восстановить Шумеро-аккадское царство в прежнем величии, продолжали традицию обожествления монарха, но также обращались к культу древнего Ана и сирийского Дагана. От царя Идди-Дагана дошло описание грандиозного праздника в честь Инанны-Иштар, кульминацией которого был ритуал вступления царя в брак с богиней [45, с. 11]. Ишме-Даган освободил Ниппур от повинностей, определив город на службу Энлилю, а также восстановил разрушенный эламитами храм Нанны в Уре. Однако военные неудачи, борьба Иссина с Ларсой за Ниппур и политическая раздробленность подорвали веру в божественных царей [12, с. 282–292].

Египетская теология царства. В Египте модель государства-храма была реализована наиболее полно. Египтяне полагали, что Вселенная балансирует на грани между порядком (*Маат*) и хаосом (*Исфет*) и лишь ритуалы фараона удерживают мир от катастрофы. Почти все общественные ритуалы царя Египта выражали примирение в личности фараона богов-антагонистов Хора и Сета, что упраздняло разлад в мироздании [7, с. 122–129].

Долина Нила осмыслялась египтянами как грандиозный храм, созданный для жертвоприношений богам. Верховным жрецом в этом храме был фараон [39, с. 86], и любое богослужение совершалось лишь царскими слугами *от имени фараона*. Приносить жертвы богам самостоятельно было строго запрещено [40, с. 163]. Культ за пределами Мемфиса и Гелиополя был скромным: даже жертвы номовым богам приносились главным образом в столичных храмах. Храмы богов не имели монументальных построек или обширных владений [39, с. 86, 91].

Рядовой египтянин не участвовал в служении иным богам, кроме фараона. Тексты Раннего и Древнего царств свидетельствуют о морали, службе царю, семье, загробной жизни, но не о культе божеств [39, с. 86].

Намного важнее почитания богов был заупокойный культ предков [39, с. 91]. Но и здесь центральной фигурой был царь — совершенный жрец и посредник между мирами. Если ранее посмертная судьба зависела от потомков [9, с. 6], то теперь — от фараона. Став после смерти богом, монарх даровал благу участь всем своим усопшим служителям. Уже ранние царские гробницы были окружены погребениями слуг (возможно, последовавших за господином в смерть), позже к ним добавились гробницы вельмож [7, с. 175]. Превращение всех египтян в «слуг фараона» гарантировало им посмертное блаженство. Пастырство царя достигало апогея: фараон оберегал свою паству даже после смерти.

Таким образом, в Египте Древнего царства царский культ полностью интегрировал в себя все прочие культы. Фараон, податель благ на земле и за гробом, «Второе солнце», для египтян был ближе и важнее большинства незримых и недоступных богов.

Управление в первичных государствах. Для поддержания миропорядка правитель обладал властью творить правосудие, учреждать новые законы и изменять древние традиции, а также собирать и перераспределять ресурсы через налоги и повинности. Царь контролировал исполнение своих предписаний и принуждал реализовывать их. Эти действия составляли суть управления — актуализацию власти для восстановления и поддержания мирового порядка.

Если сначала управление осуществлялось на локальном уровне в соответствии с обычаями каждой из общин, то теперь власть царя превосходила авторитет всех местных и родовых божеств. Это позволяло монарху регулировать вопросы, ранее находившиеся в ведении родственных групп, и контролировать соблюдение норм общежития. Таким образом, становление государства вело к пересмотру традиций: одни усиливались, другие отвергались, третьи игнорировались. Возникали новые методы управления, выражавшие волю верховной власти и менявшие традиционные уклады. Это создавало систему отношений, при которой центр перераспределял власть и ресурсы периферии таким образом, что большая их часть концентрировалась в центре [16, с. 131–135].

Месопотамия: от полицентризма к единству. Сведения о системе управления в ранней Месопотамии фрагментарны. Во главе «амфикиотии Инанны», вероятно, стоял царь Урука, которому подчинялась иерархия служителей. Возможно, существовала межгородская административная структура [10, с. 61, 62; 41, pp. 61–91].

В Раннединастический период правители, именовались ли они *лугаль* или *энси*, управляли лишь своим городом и округой. Династические унии и конфедерации были редки и не создавали надгородских органов управления. Даже Лугальзагеси, объединивший все шумерские города под личной властью, не преобразовал эту «унию» в единое государство.

Только Саргон Аккадский создал в Месопотамии единое централизованное государство: северные города контролировались царскими наместниками, а в южные, шумерские, направлялись столичные администраторы, надзиравшие за местными храмовыми чиновниками [10, с. 134, 135]. Новая, пастырская роль царя как главы управления, вероятно, была связана с культом божественного пастыря — Нанны-Суэна. Однако период господства кутиев вернул Месопотамию к полицентризму.

Правление III династии Ура, ревностных почитателей бога-пастыря Нанны-Суэна, ознаменовалось созданием полноценного «храмового государства». Обожествленные цари сформировали единый административный аппарат из грамотных чиновников. Высшие посты в иерархии занимали члены царского рода, но управление городами оставалось в руках местной элиты, получавшей от царя должности *энси* и управлявшей крупными хозяйствами. Военные командиры (*шагины*) были теснее связаны с правящим домом и часто перемещались между провинциями [10, с. 165]. Масштабы перераспределения ресурсов в царстве III династии Ура достигли невиданных ранее размеров.

После нашествия амореев и эламитов династия Исина восстановила административные практики предшественников, но в меньших масштабах. Однако к концу XX в. до н. э. цари Исина утратили контроль над большей частью Месопотамии, и регион вернулся к полицентризму, хотя правители отдельных царств могли управлять несколькими городами [46, pp. 186–196].

Египет: единая иерархия. В Египте фараоны изначально стремились к созданию централизованной системы управления, исключавшей полицентризм. К эпохе Древнего царства страна была организована как грандиозное храмовое хозяйство, где все считалось «домом царя», а все люди и ресурсы служили ему.

Иерархия царских служащих простиралась от *чати* («визиря»), жившего во дворце, до писцов в сельских общинах. Это позволяло мобилизовывать значительные человеческие и материальные ресурсы для монументального строительства. В текстах управленческая иерархия изображалась как беспрекословно повинующаяся «сердцу» фараона [39, с. 116]. Чиновничество Древнего царства позднее считалось недостижимым идеалом: источники не сообщают об алчности или коррупции царских слуг вплоть до конца VI династии [39, с. 122].

Данных о жизни населения, не вовлеченного в иерархию царских служителей, почти нет. Государство Древнего царства поглотило сельские общины и не допускало возникновения властных отношений вне своей управленческой системы. Избыточное количество жителей переселяли, а с VI династии в сельских общинах, вероятно, распространился патронат [39, с. 109–112].

Искусство письма и счета в древних государствах. Возникновение письменности в Месопотамии и Египте было синхронно становлению первых государств. Изначально это была пиктография, где каждое изображение соответствовало отдельной смысловой единице. Однако к началу III тыс. до н. э. в обоих регионах сложились полноценные системы, способные фиксировать устную речь.

В Месопотамии развилась клинопись — система абстрактных знаков, которые могли обозначать слоги, целые слова или служить детерминативами (указателями семантических категорий) [47, р. 88]. Знаки выдавливались на влажных глиняных табличках с последующим обжигом. Созданная для шумерского языка, клинопись была позднее адаптирована для аккадского и других языков региона.

В Египте сформировалась система, включавшая два способа написания: иероглифику и иератику, приспособленную для быстрого письма. Иероглифы сочетали фонетическое и образное начала, выступая символами, являющимися магическую силу имени. К середине III тыс. до н. э. египетское письмо точно передавало фонетику и семантику речи. Основным материалом служил папирус; текст наносился черными чернилами с выделением ключевых моментов красным [48, с. 122, 123, 145, 159].

Счет, астрономия и календарь. С письменностью было неразрывно связано искусство счета, применявшееся в хозяйстве, строительстве и измерении времени.

Шумеры использовали шестидесятеричную систему счисления, происхождение которой неясно. Математика оформилась как дисциплина при Саргониде и достигла расцвета в начале II тыс. до н. э. [49, pp. 305–318]. Астрономические наблюдения позволили создать лунно-солнечный календарь, параллельно с которым для хозяйственных нужд использовался упрощенный административный календарь из 12 месяцев по 30 дней [28, pp. 57–64].

Египтяне развивали математику на основе десятиричной системы, хотя их успехи были скромнее месопотамских [50, pp. 391–393]. Важнейшим событием жизни Египта был разлив Нила, не связанный с лунными циклами, что обусловило ранний переход к солнечному календарю [50, pp. 394–397].

Обучение письму и счету напоминало обучение ремеслу: ученики копировали документы под руководством наставника, который вносил правки. Грамотность, часто передававшаяся по наследству, обеспечивала высокий социальный статус и была профессиональным навыком управленца [48, с. 52]. Однако овладение этим искусством могло возвысить и выходца из низов.

Божества-покровители: Сешат и Нисаба. Покровительницами письма, счета и знаний были богини: в Египте — Сешат, в Шумере — Нисаба.

Сешат, чье имя означает «писец женского рода», изображалась со знаком, напоминающим звезду или розетку на столбе, увенчанную двумя перьями, подобными символу Маат [36, pp. 141, 142].

Нисаба почиталась по всему Шумеру. Имя божества записывалось логограммой, похожей на колосья, что связывает ее с земледелием. Антропоморфное изображение представляет ее с табличкой из лазурита, испещренной звездами, что указывает на покровительство астрономии и календарным расчетам [28, с. 30–32; 43, pp. 143, 144].

Обе богини покровительствовали строительству монументальных святилищ, требующему точных расчетов. Сешат часто изображалась рядом с фараоном, совершающим ритуал «натягивания шнура» (*недж-сеи*) — разметки плана будущей постройки [36, с. 141, 142]. Шумерский правитель Гудеа, согласно текстам, получил в видении повеление от Нисабы и бога Нингирсу построить храм в Лагаше.

Письменность и писцы. Значение письменности было неразрывно связано с государственным управлением.

В Египте письменность стала инструментом управления уже при I династии. Грамотность была атрибутом элиты, и вся административная иерархия состояла из писцов-*сеи*. Знание иероглифики было уделом узкого круга посвященных [48, с. 11, 53, 56, 57].

В Месопотамии письмо изначально использовалось для управления храмовыми хозяйствами. В первой половине III тыс. до н. э. сложилась особая социальная группа — писцы-*дубсары*, бывшие влиятельными профессиональными управленцами [49, pp. 297–299; 51]. Общегосударственная иерархия чиновников в Месопотамии оформилась в период Шумеро-царства (рубеж III–II тыс. до н. э.) [49, pp. 300, 301]. Именно тогда в Ниппуре возникла *эдубба* — особая модель школы для подготовки писцов, где велось двуязычное обучение сакральному шумерскому и литературному аккадскому. Выпускники *эдуббы*, часто наследственные писцы, занимали высокие посты. Показательно, что царь Шульги гордился образованием писца, а титул «дубсар» использовался как почетное звание [10, с. 48; 49, pp. 301, 302].

Границы царства. Яснее всего единство и различие ритуальной и управленческой власти царя проявлялось в вопросе о границах царства. Обязанностью царя как носителя сакральной власти было распространение божественного порядка на всю ойкумену. В этом заключалось главное отличие суверена от локального правителя-жреца: истинный царь был владыкой *всех* людей, и *все* боги должны были служить ему [39, с. 138]. Однако реальные возможности монарха были ограничены. Пространство царства можно представить как концентрические круги влияния:

1) «темные» земли хаоса: территории, не подвластные царю, где живут народы, не знающие его закона;

2) «*сумеречная*» зона ритуального господства: области, где власть царя признавалась (например, после военного похода, принятия вассальной присяги или установления царской стелы), однако управление осуществляли местные правители;

3) «*светлое*» ядро: территории, где царь осуществлял прямое пастырское правление через административную иерархию. Даже здесь интенсивность власти была неоднородной, достигая максимума в царском дворце — сакральном центре мира.

Современные исследователи часто отождествляют древние государства лишь с последней зоной, хотя древние мыслили шире — как было отмечено выше, ритуальные функции царя были самыми важными [52]. Реальные границы власти правителя определялись наличием «врагов царя» — тех, кто отказывался признавать верховную власть монарха. Потому само существование царской власти зависело от ее способности силой утверждать и поддерживать порядок, сокрушая «врагов царя».

На неконтролируемых землях обитали народы, воспринимавшиеся как источник хаоса и угрозы: в Египте — «жители пустыни», в Месопотамии — «жители гор». Иногда на границах складывались враждебные государства (Элам, Нубия), представлявшие постоянную опасность. От соседей обычно требовали выплаты дани, предоставления ресурсов и отказа от вторжений. Иноземцы нередко нарушали соглашения, что вынуждало царя периодически совершать карательные походы для их «усмирения» [39, с. 140].

Главными внутренними противниками царя были местные элиты, недовольные перераспределением власти и ресурсов. Их сопротивление монарху нередко осмыслялось как конфликт между местными и государственными богами. Однако сепаратизм был не единственной формой оппозиции; чаще элиты оспаривали не власть царя как таковую, а ее пастырский аспект. В крайнем случае царь был вынужден делегировать им все административные функции, превращаясь в носителя сакральности и верховного жреца.

Все враги, внешние и внутренние, считались мятежниками. Поэтому военные кампании против них были священным долгом царя, не «войной», а «подавлением бунта» и восстановлением миропорядка, даже если эти «бунтовщики» жили за тысячи километров от столицы [39, с. 139].

Для утверждения справедливости силой царь нуждался в военной мощи. В отличие от негосударственных потестарных образований, где военная сила была расщеплена и зависела от локальных элит, государство создавало армию, которая подчинялась лично монарху [16, с. 129].

Не менее важна была ритуальная мощь царя. В Месопотамии Инанна-Иштар, как покровительница праведной войны, даровала победу

своему избраннику, вселяла ужас во врагов и «обращала их в женщин» (лишала мужества). Связь божества с войной была столь тесна, что боевые знамена назывались «иштар» [26, pp. 67, 118]. В Египте считалось, что ритуалы фараона заранее обрекали мятежников на поражение: местные боги помогали его войскам и «ослабляли» противников [39, с. 147–149].

Божественный совет. Монарх, считавшийся сыном или супругом божественной Мудрости и общавшийся с богами напрямую, обладал непререкаемым сакральным авторитетом. Главной целью его жизни было «творение мудрости», и через служение ему к этой мудрости приобщались подданные. Однако при этом мудрейший царь был обязан окружать себя мудрецами и прислушиваться к их советам.

Разрешение этого противоречия заключалось в самой модели мироздания. Верховный бог правил миром через совет (или, скорее, собор) богов, который представлял всю полноту мироздания и где вершился высший суд и определялись судьбы. Для шумеров середины III тыс. до н. э. таким местом был ниппурский храм Экур, где совет под предводительством бога Ана определял судьбы мира [43, pp. 36, 74].

Ключевую роль в божественном совете играл бог-советник — фигура, обладающая высшей мудростью, но не претендующая на верховную власть. Он выступал мудрым посредником, примирителем и решателем сложнейших вопросов. В Шумере эту роль исполнял Энки, в Египте — Тот.

Энки — шумерский владыка тайной мудрости. Энки был владыкой подземного мирового океана Абзу, источника всех пресных вод. Это связывало его с двойственной символикой воды: живительной и очищающей, но также сокрытой, таинственной и хранящей неоформленную жизнь [17, с. 189, 190; 53, с. 128–136]. Его культовым центром был город Эриду. Энки почитался как владыка божественных *ме*, наставник людей, покровитель ремесел, магии, экзорцизма и гаданий. Ритуальные бассейны храмов для омовений назывались абзу в честь подземной водной бездны.

Будучи исконно шумерским божеством, Энки не пользовался особым вниманием аккадских правителей-Саргонидов [54, p. 40]. Однако его культ владыки Абзу пережил расцвет при III династии Ура, когда Энки стали величать «младшим Энлилем», а цари возвели в Эриду величественный зиккурат. Шумерский царский список, созданный в эту эпоху, объявил Эриду древнейшим городом и местом нисхождения царственности с небес [54, pp. 85, 86].

Тот — египетский визирь богов. Тот (егип. *Джхути*) изображался в виде ибиса или павиана. Он был богом мудрости, счета и письма, а также связывался с луной. В ключевых мифологических повествованиях Тот выступал как справедливый, но суровый арбитр.

В «Текстах пирамид» он — визирь Ра, карающий лжецов на загробном суде; однако в мифе об Осирисе роль божества амбивалентна: Тот является соучастником Сета в убийстве Осириса, но именно вмешательство Тота исцеляет Гора и восстанавливает справедливость на суде, обеспечивая победу законного наследника [55, 56]. В более поздней традиции Тот читает заклинания при мумификации Осириса [36, р. 157].

Оба божества — Энки, связанный с подземными водами, и Тот, связанный с луной, — олицетворяли собой иррациональную, тайную мудрость, противопоставленную ясной и верховной «небесной» мудрости царя богов. Их земными воплощениями стали две ключевые фигуры: визирь (носитель практической, социальной мудрости) и жрец-заклинатель (хранитель эзотерического знания).

Царские советники. Таким образом, создание царского совета было не уступкой, а ритуальным подражанием небесному порядку, подтверждавшим богоподобие монарха. Обращаясь за советом к вельможам, царь не проявлял слабость, а укреплял свой сакральный статус. Первым советником был визирь (егип. *чати*, акк. *суккальмах*), игравший роль посредника между монархом и подданными.

Вельможи должны были в совершенстве владеть «мудростью как искусством жизни». Это знание передавалось в поучениях, которые с появлением письменности легли в основу особого литературного жанра [57, pp. 5, 6]. В Шумере древнейшим памятником были «Наставления Шуррупака» (сер. III тыс. до н. э.). Позднее тексты мудрости (пословицы, поучения, эпос) стали ядром учебной программы в *эдуббе* [50, pp. 8–11]. Египтяне II тыс. до н. э. помнили имена мудрецов Древнего царства — визирей и сановников, таких как Имхотеп (визирь Джосера, III династия), Кагемни (III династия), Джедефхор (сын Хуфу, IV династия) и Птаххотеп (визирь VI династии) [48, с. 40]. Однако жанр «литературы мудрости» сформировался в Среднем царстве, а «Поучение Мерикара» (Первый переходный период) стало первым политическим трактатом, предлагавшим прагматичные советы по управлению в смутную эпоху [39, с. 107, 108].

Еще одной формой «государственной» мудрости стало создание исторических нарративов. В отличие от обществ с устной традицией, в первых государствах стали создавать длинные списки царей и династий, чтобы утвердить «космичность» и извечность царской власти и устранить саму возможность политической альтернативы [58, с. 74–79].

Тайная мудрость в древних государствах. В первых государствах Древнего Востока носители «тайной мудрости» четко делились на две социальные группы, различавшиеся по своему статусу и связи с институциональной властью.

Первая группа — маргинальные ритуальные специалисты. К ней относились гадатели, знахари, экзорцисты, а также колдуны и ведьмы,

практиковавшие запретные формы магии. Эти фигуры были по своей природе чужды официальной власти и часто вызывали подозрения из-за связей с духами, нередко злыми [8, с. 9–10]. Тем не менее, для большей части населения, не имевшей доступа к храмовому культу, маргинальные ритуальные специалисты оставались ключевыми посредниками в общении с духовным миром.

Вторая группа — жрецы-заклинатели. В противоположность маргиналам, жрецы-заклинатели занимали высокое положение в государственной иерархии, поскольку обладали сокровенными знаниями «имплицитной теологии» и применяли их в официальных ритуалах.

Месопотамский ишиб. В Месопотамии в обязанности жрецов включали проведение обрядов очищения, экзорцизма и врачевания. *Ишибы* значительно отличались от целителей-травников (*ашу*) [59, pp. 26, 27]. Они совершали служение либо обнаженными, с обритыми волосами, либо в льняных одеждах. Их маргинальными двойниками были странствующие заклинатели-экзорцисты *машмашишу*, а наследниками во II тыс. до н. э. — вавилонские *ашинпу* [60, pp. 15, 16].

Создание «искусства *ишиба*» приписывалось божествам, таким как Энки, который именовался «*ишибом* богов». Титул «небесного *ишиба*» или «*ишиба* неба и земли» носили некоторые правители (Лугальзагеси, цари Исина, Ларсы и III династии Ура). Положение *ишиба* в храмовой иерархии варьировалось: в храме Думузи их было несколько, а в Гирсу единственный *ишиб* был верховным жрецом бога Нингирсу [49, pp. 258, 259; 61, pp. 65, 66].

В Египте аналогичную функцию выполняли *херихебы* — «жрецы-чтецы» (букв. «те, кто [ходит] под ритуальной книгой»). Они были хранителями мистерий (*сех*) и зачитывали священные тексты во время храмовых и погребальных обрядов, а также занимались врачеванием. В Древнем царстве титул *херихеба* был чрезвычайно престижным и доступным лишь членам правящего дома и высшим сановникам. Именно *херихеб* объявлял имя нового фараона при коронации и оглашал результаты гаданий в храмах [48, с. 38].

Херихебы считались мастерами магии, способными создавать иллюзии, неотличимые от реальности. Эти способности *жрецов-чтецов* упоминаются как в знаменитых сказках папируса Весткар, так и в библейской Книге Исхода (Исх. 7–8), где описывается противостояние Моисея, обученного при дворе фараона, и египетских *херихебов*. Поединок представлен как соревнование в чудотворстве: иллюзиям жрецов противопоставлены истинные чудеса Моисея [48, с. 106–107].

Письменность и тайная мудрость. Сакральные знания передавались издревле устно и через символы. Печати и рельефы IV–III тыс. до н. э. демонстрируют сложную систему символов, которые воспринимались как явления скрытых божественных сил, обладающих магической мощью [9].

В Шумере клинопись изначально имела сугубо административный характер, а писцы-дубсары не были связаны с культом [62]. Сакральные тексты были вторичны по отношению к речи и визуальным символам и выступали как подсказки для декламации. Поэтому значительная часть шумерских ритуальных песнопений была записана лишь на рубеже III–II тыс. до н. э. для обучения в *эдуббе*.

В Египте иероглифическая письменность сама по себе считалась особым родом магии — способом связать речь и символ, чтобы явить скрытую силу имени [63, р. 5]. Считалось, что все сущности имеют и речевое, и визуальное имя [9]. Поэтому египетские слова на письме состояли из фонетической части и изобразительного детерминатива, а текст «являл себя» даже в отсутствие чтеца, что объясняет феномен надписей в гробницах, изначально не предназначенных для чтения живыми [64]. Умение читать считалось признаком мудреца, и даже фараон черпал знания о ритуалах из древних свитков [39, с. 107, 108].

Так, слово «Маат» в Древнем царстве писалось следующим образом: однобуквенная фонограмма *t* (изображение хлеба, указывало на женский род слова); двухбуквенная фонограмма *тз* (изогнутая линия, толкуется как священный серп или нос священной ладьи); трехбуквенная фонограмма *тз'* (вытянутый прямоугольник, толкуется как цоколь или основание трона); детерминатива (сидящая на земле женщина с прижатыми к груди коленями и символом «пера» на голове) [37, с. 37–39].

Дошедшие до настоящего времени египетские папирусы содержат ритуалы и заклинания, направленные на поддержание жизни богов, царя и людей в обоих мирах [48, с. 74, 82]. Важнейшим сакральным текстом Египта Древнего царства стали «Тексты пирамид». Этот свод заклинаний и ритуальных формул, наносившийся на стены царских погребений, должен был обеспечить усопшему фараону благую участь. Иероглифические тексты в гробницах гарантировали, что ритуальные формулы будут звучать вечно, даже после ухода жрецов [65, pp. 7–9].

Отсутствие астрологии. Следует особо отметить, что к «тайной мудрости» III тыс. до н. э. не относилась астрология. В Месопотамии астролатрия как культ небесных светил начинает складываться только к концу III тыс. до н. э., когда возникает прочное отождествление великих божеств с Солнцем, Луной и Венерой. Другие планеты и названия созвездий в шумерских источниках не упоминаются. Лишь в период III династии Ура, вероятно, появляется представление, что душа божественного царя после смерти становится звездой [28, с. 162–172]. В Египте звезда Сириус почиталась как богиня Сопдет, а монументальные постройки могли быть ориентированы на небесные светила [50, pp. 396–397]. Однако ни египтяне, ни шумеры не практиковали ни дивинаторную, ни прогностическую астрологию. Ее формирование относится к более позднему, старовавилонскому периоду.

Институты передачи и хранения знаний. Передача «тайной мудрости» в первых государствах происходила, как и прежде, через отношения «учитель — ученик» и посвящение [9].

Однако существовали и особые институты. В Египте такой институцией был «Дом жизни» (*пер-анх*), впервые известный по текстам VI династии. Это были комплексы зданий, расположенные отдельно от храмов, где собирались, хранились и передавались знания, связанные с заупокойным культом, медициной, магией и толкованием. Ведущую роль в них играли *херихебы*. Здесь составляли ритуальные тексты (вероятно, именно в «Домах жизни» были созданы «Тексты пирамид»), руководили сакральными художественными работами и занимались врачеванием [48, с. 79–108].

В Месопотамии в источниках упоминаются «дома мудрости Нисабы» — возможно, святилища богини письменности или особые институты, связанные с подготовкой писцов и накоплением знаний [28, с. 30–32; 43, pp. 143, 144].

В заключение следует отметить, что первичные государства Месопотамии и Египта представляли собой не примитивные деспотии, а сложные системы, где каждый элемент находил оправдание в единой картине мироздания, пронизанной божественной *мудростью-правдой-порядком*. В их основе лежала «теология царственности»: земной царь — подобие небесного владыки, наделенный властью поддерживать космический порядок через иерархию служителей. Эта власть проявлялась в триаде «суверенитет — пастьрство — делегирование», что отличало государство от иных политических форм.

«Теология царства» воплощалась в ритуально-символической системе, структурировавшей все сферы жизни — от земледелия до загробного культа. Административные, военные и культовые институты, действуя именем царя, служили единой цели: поддержанию мировой гармонии. Государство существовало как колоссальный храм божественной Премудрости.

Однако реализации этой модели в Египте и Месопотамии различались. В Египте рано утвердилась модель «государства-храма» с фараоном как единственным верховным жрецом. Кризисы власти (как в Первый переходный период) воспринимались как катастрофа и вели к восстановлению единого царства. В Месопотамии изначальный религиозный полицентризм (культы Ана, Инанны, Энки, Энлиля) вынуждал царей даже в период централизации (при III династии Ура) считаться с множественными культами. Месопотамская теология царства постоянно трансформировалась, а политические образования были склонны к распаду на города-государства.

Таким образом, в первых государствах знание было неразрывно связано с властью, а власть — со спасением мира от хаоса. Царский

служитель должен был быть мудрым, а мудрец — служить царю. Сановники и писцы совершали ритуалы не менее значимые, чем жертвоприношения.

Феномен письменности ярко выражает эту связь власти и мудрости. В Месопотамии клинопись долгое время служила административно-хозяйственным целям (самим по себе сакральным). В Египте иероглифическое письмо понималось как магия, являющая в мир силу имени. Поэтому египетский писец-администратор и жрец-херихеб были фигурами более близкими, чем месопотамский писец-дубсар и заклинатель-ишиб. Лишь к началу II тыс. до н. э. школы эдуббы стали центрами сохранения и изучения сакрального шумерского наследия.

Если вся государственная иерархия была причастна к «мудрости как умению жить», то обладателями «тайной мудрости» были жрецы-заклинатели, узкая привилегированная группа (месопотамские ишибы и египетские херихебы). Эти высокопоставленные сановники, часто связанные с правящим домом, хранили эзотерические знания и совершали сокровенные ритуалы для защиты царя и подданных от сил зла. Именно их по праву можно назвать первыми интеллектуалами Древнего мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Frankfort H. *Kingship and the Gods*. Chicago, University of Chicago Press, 1948, 444 p.
- [2] Ассман Я. *Древний Египет. Теология и благочестие древней цивилизации*. Москва, Присцельс, 1999, 368 с.
- [3] Ассман Я. *Политическая теология между Египтом и Израилем*. Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2022, 180 с.
- [4] O'Connor D., Silverman D.P., ed. *Ancient Egyptian kingship*. Leiden, New York, Köln, Brill, 1994, 347 p.
- [5] Бондаренко Д.М., ред. *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. Москва, ПМЛ Института Африки РАН, 2005, 447 с.
- [6] Hill J.A., Jones Ph., Morales A.J., ed. *Experiencing Power—Generating Authority: Cosmos and Politics in the Ideology of Kingship in Ancient Egypt and Mesopotamia*. Philadelphia (PA), University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2013, 448 p.
- [7] Астапова О.Р. *Истоки сакрализации власти. Священная власть в древних царствах Египта, Месопотамии, Израиля*. Москва, РИПОЛ Классик, 2017, 490 с.
- [8] Крылов А.О. Интеллектуалы Древнего мира (часть 1). *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 1. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-884>
- [9] Крылов А.О. Интеллектуалы Древнего мира (часть 2). *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 6. EDN FRKICT
- [10] Козырева Н.В. *Очерки истории Месопотамии*. Санкт-Петербург, Контраст, 2016, 552 с.
- [11] Algaze G. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization*. Chicago, University of Chicago Press, 2008, 230 p.
- [12] Дьяконов И.М., ред. *История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия*. Москва, Наука, 1983, 534 с.

- [13] Александрова Н.В., Ладынин И.А., Немировский А.А., Яковлев В.М. *Древний Восток*. Москва, Астрель-АСТ, 2008, 654 с.
- [14] *Всемирная история. В 6 т. Т. 1*. Москва, Наука, 2011, 822 с.
- [15] Lloyd A.V., ed. *A Companion to Ancient Egypt. Vol. 1&2*. Oxford, John Wiley & Sons, 2010, 1276 p.
- [16] Гринин Л.Е. Раннее государство и его аналоги. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград, Учитель, 2006, с. 85–163.
- [17] Элиаде М. *Трактат по истории религий*. Москва, Академический проект, 2025, 394 с.
- [18] Шмитт К. *Понятие политического*. Санкт-Петербург, Наука, 2016, 567 с.
- [19] Агамбен Дж. *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. Москва, Европа, 2011, 256 с.
- [20] Фуко М. *Безопасность, территория, население*. Санкт-Петербург, Наука, 2011, 544 с.
- [21] Twelftree G.H., ed. *The Cambridge Companion to Miracles*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, 338 p.
- [22] Агамбен Дж. *Царство и слава*. Москва, Санкт-Петербург, Издательство Института Гайдара, 2019, 552 с.
- [23] Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Москва, Иллюминатор, 2023, 528 с.
- [24] Канторович Э. *Два тела короля*. Москва, Институт Гайдара, 2015, 752 с.
- [25] Емельянов В.В. *Шумерский ритуальный календарь*. Санкт-Петербург, Петербургское Востоковедение, 2009, 432 с.
- [26] Fryke L.M. *Ishtar*. New York, Routledge, 2017, 239 p.
- [27] Goodison L., Christine Morris Ch., ed. *Ancient goddesses. The Myth and the Evidence*. London, British Museum press, 1998, 203 p.
- [28] Куртик Г.Е. *Очерки истории шумерской астрономии*. Москва, ИЛО, 2023, 280 с.
- [29] Collins P. The Sumerian goddess Inanna (3400-2200 BC). *Papers from the Institute of Archaeology*, 1994, no. 5, pp. 103–118.
- [30] Goff B.L. *Symbols of prehistoric Mesopotamia*. Yale, Yale university, 1963, 276 p.
- [31] Куртик Г.Е. Отождествление Инанны с планетой Венера как критерий для определения времени выделения созвездий в древней Месопотамии. *Вестник древней истории*, 2000, вып. 1, с. 89–98.
- [32] Sugimoto D.T., ed. *Transformation of a Goddess: Ishtar-Astarte-Aphrodite*. Fribourg, Göttingen, Academic Press, Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, 249 p.
- [33] Daniels M.J. *The Queen of Heaven and a Goddess for All the People: Kingship, Religion, and Cultural Evolution Between Greece and the near East, 3000-500 BCE. PhD diss.* Stanford, Stanford University, 2016, 695 p.
- [34] Xianhua W. *The Metamorphosis of Enlil in Early Mesopotamia*. Münster, Ugarit-Verlag, 2011, 297 p.
- [35] Жданов В.В. *Древнеегипетские теокосмогонии как формы предфилософского дискурса*. Москва, РУДН, 2012, 171 с.
- [36] Hart G. *The Routledge dictionary of Egyptian gods and goddesses*. London, New York, Routledge, 2005, 170 p.
- [37] Жданов В.В. *Эволюция категории Маат в древнеегипетской мысли*. Москва, Современные тетради, 2006, 136 с.
- [38] Pinch G. *Egyptian Mythology. A Guide to the Gods, Goddesses, and Traditions of Ancient Egypt*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2004, 257 p.
- [39] Демидчик А.Е. *Безымянная пирамида*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2005, 256 с.

-
- [40] Большаков А.О. *Человек и его Двойник*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2001, 1096 с.
- [41] Liverani M., ed. *Akkad, the first World Empire*. Padova, Sargon, 1993, 182 p.
- [42] Hall M.G. *A study of the Sumerian Moon-God Nanna/Suen*. Ph.D Diss. Philadelphia, University of Pennsylvania, 1985, 923 p.
- [43] Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia*. London, the British Museum Press, 1992, 190 p.
- [44] Feliu L. *The God Dagan in Bronze Age Syria*. Leiden, Boston, BRILL, 2003, 256 p.
- [45] Емельянов В.В. Упоминание праздников в шумерских литературных текстах. *Религиоведение*, 2023, № 2, с. 5–14.
- [46] Liverani M. *Ancient Near East*. London, New York, Routledge, 2014, 619 p.
- [47] Woods C., ed. *Visible Language: Inventions of Writing in the Ancient Middle East and Beyond*. Chicago, the Oriental Institute, 2015, 240 p.
- [48] Коростовцев М.А. *Писцы Древнего Египта*. Санкт-Петербург, Журнал «Нева», «Летний сад», 2001, 368 с.
- [49] Crawford H., ed. *The Sumerian World*. London, New York, Routledge, 2013, 659 p.
- [50] Bloomer M.W., ed. *A Companion to Ancient Education*. Oxford, John Wiley & Sons, 2015, 503 p.
- [51] Архипов И.С. Писцы Месопотамии в протописьменный и раннединастический периоды. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 2013, № 17, с. 76–101.
- [52] Kulke H. Ritual Sovereignty and Ritual Policy Some Historiographic Reflections. *State, Power, and Violence*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2010, S. 603–626.
- [53] Якобсен Т. *Сокровища тьмы*. Москва, Восточная литература РАН, 1995, 293 с.
- [54] Espak P. *The God Enki in Sumerian Royal Ideology and Mythology*. Tartu, Tartu University press, 2010, 284 p.
- [55] Čermák M. *Thoth in the Pyramid Texts*. Praha, Univerzita Karlova v Praze, 2015, 90 S.
- [56] Stadler M.A. Thoth. *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. URL: <http://digital2.library.ucla.edu/viewItem.do?ark=21198/zz002c4k99> (дата обращения 01.10.2025).
- [57] Dietrich J. Wisdom in the Cultures of the Ancient World. A General Introduction and Comparison. *Teaching Morality in Antiquity. Wisdom Texts, Oral Traditions, and Images*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2018, 304 p.
- [58] Ассман Я. *Культурная память*. Москва, Языки славянской культуры, 2004, 368 с.
- [59] David J., Collins S.J., eds. *The Cambridge History of Magic and Witchcraft in the West*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, 798 p.
- [60] McGrath W. *The Diagnostic Series SA.GIG: Ancient Innovations and Adaptations. MoA thesis*. Toronto, University of Toronto, 2016, 73 p.
- [61] Abusch T. *Mesopotamian Witchcraft. Toward a History and Understanding of Babylonian Witchcraft Beliefs and Literature*. Leiden, Brill, 2002, 314 p.
- [62] Steinkeller P. Babylonian priesthood during the third millennium BCE: between sacred and profane. *Journal of Ancient Near Eastern Religions*, 2019, vol. 19, no. 1–2, pp. 112–151.

- [63] Teeter E. *Religion and Ritual in Ancient Egypt*. New York, Cambridge University Press, 2011, 219 p.
- [64] Eyre Ch. The Material Authority of Written Texts in Pharaonic Egypt. In: Hoogendijk Fr. A.J., Gompel, van S.M.T, ed. *The Materiality of Texts from Ancient Egypt*. Leiden, Boston, Brill, 2018, pp. 2–11.
- [65] Allen J.P. *The ancient Egyptian pyramid texts*. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2005, 483 p.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крылов А.О. Интеллектуалы Древнего мира (часть 3). *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 5. EDN EFMJAH

Крылов Алексей Олегович — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана, младший научный сотрудник Центра истории богословия и богословского образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. e-mail: dismal.enigma@yandex.ru

Intellectuals of the Ancient World (Part 3)

© A.O. Krylov

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, 105005, Russia

Orthodox St. Tikhon's University, Moscow, 115184, Russia

The phenomenon of early states in Ancient Egypt and Mesopotamia is examined through the lens of their political theology. The sacred foundations of royal power are identified, and the status of knowledge bearers within the structure of the first state formations is determined. It is shown that "primary" states functioned as complex ritual-symbolic systems ("temple-states") based on the theology of kingship. The monarch's authority was interpreted as divinely delegated, combining both sovereign and pastoral functions. The scientific novelty of the study lies in identifying the priest-magicians (the ishīb in Mesopotamia and the kheriheb in Egypt) as the first intellectuals of antiquity, who combined esoteric knowledge with high status in the state hierarchy. Special attention is given to the role of writing, not only as a tool of administration but also as a sacred phenomenon.

Keywords: royal power, political theology, Ancient Egypt, Ancient Mesopotamia, sacralization of authority, early states

REFERENCES

- [1] Frankfort H. *Kingship and the Gods*. Chicago, University of Chicago Press, 1948, 444 p.
- [2] Assmann J. *The Search for God in Ancient Egypt*. Ithaca; London, Cornell University Press, 2001, 304 p. [In Russ.: Assman Ya. Drevniy Egipet. Teologiya i blagochestiye drevney tsivilizatsii. Moscow, Pristsel's Publ., 1999, 368 p.].
- [3] Assmann J. *Political Theology between Egypt and Israel*. Cambridge; Malden, Polity Press, 2014 [In Russ.: Assman Ya. Politicheskaya teologiya mezhdou Egiptom i Izrailem. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2022, 180 p.].
- [4] O'Connor D., Silverman D.P., ed. *Ancient Egyptian kingship*. Leiden, New York, Köln, Brill, 1994, 347 p.
- [5] Bondarenko D.M., ed. *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy* [Sacralization of power in the history of civilizations]. Moscow, PML Instituta Afriki RAN Publ., 2005, 447 p.
- [6] Hill J.A., Jones Ph., Morales A.J., ed. *Experiencing Power — Generating Authority: Cosmos and Politics in the Ideology of Kingship in Ancient Egypt and Mesopotamia*. Philadelphia (PA), University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2013, 448 p.
- [7] Astapova O.R. *Istoki sakralizatsii vlasti. Svyaschennaya vlast' v drevnikh tsarstvakh Egipta, Mesopotamii, Izrailya* [Origins of the sacralization of power. Sacred authority in the ancient kingdoms of Egypt, Mesopotamia, and Israel]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2017, 490 p.
- [8] Krylov A.O. *Intellektualy drevnego mira (chast' 1)* [Intellectuals of the ancient world (Part 1)]. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2024, no. 1. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2024-1-884>
- [9] Krylov A.O. *Intellektualy drevnego mira (chast' 2)* [Intellectuals of the ancient world (Part 2)]. *Gumanitarnyy vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2024, no. 6. EDN FRKICT
- [10] Kozyreva N.V. *Ocherki istorii Mesopotamii* [Essays on the History of Mesopotamia]. Saint Petersburg, Kontrast Publ., 2016, 552 p.

- [11] Algaze G. *Ancient Mesopotamia at the Dawn of Civilization*. Chicago, University of Chicago Press, 2008, 230 p.
- [12] D'yakonov I.M., ed. *Istoriya Drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneishikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovadel'cheskoy tsivilizatsii. Chast' 1. Mesopotamiya* [History of the Ancient East. The Emergence of the Earliest Class Societies and the First Centers of Slaveholding Civilization. Part 1. Mesopotamia]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 534 p.
- [13] Aleksandrova N.V., Ladynin I.A., Nemirovskiy A.A., Yakovlev V.M. *Drevniy Vostok* [The Ancient East]. Moscow, Astrel–AST Publ., 2008, 654 p.
- [14] *Vsemirnaya istoriya* [World History]. In 6 vols. Vol. 1. Moscow, Nauka, 2011, 822 p.
- [15] Lloyd A.B., ed. *A Companion to Ancient Egypt. Vol. 1&2*. Oxford, John Wiley & Sons, 2010, 1276 p.
- [16] Grinin L.E. Rannee gosudarstvo i ego analogi [The Early State and Its Analogues]. In: *Rannee gosudarstvo, ego alternativy i analogi* [The Early State, Its Alternatives and Analogues]. Volgograd, Uchitel' Publ., 2006, pp. 85–163.
- [17] Eliade M. *Treatise on the history of religions*. Chicago, University of Chicago Press, 1974 [In Russ.: Eliade M. Traktat po istorii religiy. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2025, 394 p.].
- [18] Schmitt C. *The concept of the political*. Chicago, University of Chicago Press, 1996 [In Russ.: Shmitt K. Ponyatiye politicheskogo. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2016, 567 p.].
- [19] Agamben G. *Homo sacer: Sovereign power and bare life*. Stanford, Stanford University Press, 1998 [In Russ.: Agamben Dzh. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'. Moscow, Evropa Publ., 2011, 256 p.].
- [20] Foucault M. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. New York, Palgrave Macmillan, 2007 [In Russ.: Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naselenie. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011, 544 p.].
- [21] Twelftree G.H., ed. *The Cambridge Companion to Miracles*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, 338 p.
- [22] Agamben G. *The Kingdom and the Glory: or a Theological Genealogy of Economy and Government*. Stanford, Stanford University Press, 2011 [In Russ.: Agamben Dzh. Tsarstvo i slava. Moscow; Saint Petersburg, Institute Gaydara Publ., 2019, 552 p.].
- [23] Propp V.Ya. *The historical roots of the wonder tale*. Austin, University of Texas Press, 1968 [In Russ.: Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. Moscow, Illuminator Publ., 2023, 528 p.].
- [24] Kantorowicz E.H. *The king's two bodies: a study in mediaeval political theology*. Princeton, Princeton University Press, 1957 [In Russ.: Kantorovich E.H. Dva tela korolya. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2015, 752 p.].
- [25] Emel'yanov V.V. *Shumerskiy ritual'nyy kalendar'* [Sumerian ritual calendar]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2009, 432 p.
- [26] Pryke L. *M Ishtar*. New York, Routledge, 2017, 239 p.
- [27] Goodison L., Christine Morris Ch., ed. *Ancient goddesses. The Myth and the Evidence*. London, British Museum press, 1998, 203 p.
- [28] Kurtik G.E. *Ocherki istorii shumerskoy astronomii* [Essays on the history of sumerian astronomy]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023, 280 p.
- [29] Collins P. The Sumerian goddess Inanna (3400–2200 BC). *Papers from the Institute of Archaeology*, 1994, no. 5, pp. 103–118.
- [30] Goff B.L. *Symbols of prehistoric Mesopotamia*. Yale, Yale university, 1963, 276 p.
- [31] Kurtik G.E. Otozhdestvlenie Inanny s planetoy Venera kak kriteriy dlya opredeleniya vremeni vydeleniya sozvezdiy v drevney Mesopotamii

- [Identification of Inanna with the planet Venus as a criterion for determining the time of constellation formation in ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevney istorii — Journal of Ancient History*, 2000, no. 1, pp. 89–98.
- [32] Sugimoto D.T., ed. *Transformation of a Goddess: Ishtar-Astarte-Aphrodite*. Fribourg, Göttingen, Academic Press, Vandenhoeck & Ruprecht, 2014, 249 p.
- [33] Daniels M.J. *The Queen of Heaven and a Goddess for All the People: Kingship, Religion, and Cultural Evolution Between Greece and the Near East, 3000–500 BCE. PhD Diss.* Stanford, Stanford University, 2016, 695 p.
- [34] Xianhua W. *The Metamorphosis of Enlil in Early Mesopotamia*. Münster, Ugarit-Verlag, 2011, 297 S.
- [35] Zhdanov V.V. *Drevneegipetskie teokosmogonii kak formy prefilosofskogo diskursa* [Ancient Egyptian theocosmogonies as forms of pre-philosophical discourse]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) Publ., 2012, 171 p.
- [36] Hart G. *The Routledge Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses*. London, New York, Routledge, 2005, 170 p.
- [37] Zhdanov V.V. *Evolutsiya kategorii Maat v drevneegipetskoy mysli* [Evolution of the category of Maat in ancient Egyptian thought]. Moscow, Sovremennye tetradi Publ., 2006, 136 p.
- [38] Pinch, G. *Egyptian Mythology: A Guide to the Gods, Goddesses, and Traditions of Ancient Egypt*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2004, 257 p.
- [39] Demidchik A.E. *Bezimiannaya piramida* [The nameless pyramid]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2005, 256 p.
- [40] Bolshakov A.O. *Chelovek i ego dvoynik* [Man and His Double]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2001, 1096 p.
- [41] Liverani M., ed. *Akkad, the First World Empire*. Padova, Sargon, 1993, 182 p.
- [42] Hall M.G. *A Study of the Sumerian Moon-God Nanna/Suen. Ph.D. Diss.* Philadelphia, University of Pennsylvania, 1985, 923 p.
- [43] Black J., Green A. *Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia*. London, The British Museum Press, 1992, 190 p.
- [44] Feliu L. *The God Dagan in Bronze Age Syria*. Leiden, Boston, BRILL, 2003, 256 p.
- [45] Emelyanov V.V. *Upominanie prazdnikov v shumerskikh literaturnykh tekstakh* [Mention of festivals in Sumerian literary texts]. *Religiovedenie — Study of Religion*, 2023, no. 2, pp. 5–14.
- [46] Liverani M. *Ancient Near East*. London, New York, Routledge, 2014, 619 p.
- [47] Woods C., ed. *Visible Language: Inventions of Writing in the Ancient Middle East and Beyond*. Chicago, The Oriental Institute, 2015, 240 p.
- [48] Korostovtsev M.A. *Pistsy Drevnego Egipta* [Scribes of Ancient Egypt]. Saint Petersburg, Zhurnal "Neva"; Letniy sad Publ., 2001, 368 p.
- [49] Crawford H., ed. *The Sumerian World*. London, New York, Routledge, 2013, 659 p.
- [50] Bloomer M.W., ed. *A Companion to Ancient Education*. Oxford, John Wiley & Sons, 2015, 503 p.
- [51] Arkhipov I.S. *Pistsy Mesopotamii v protopismenny i rannedinasticheskiy periody* [Scribes of Mesopotamia in the proto-literate and early dynastic periods]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya — RSUH Bulletin. Series: Literary Studies, Linguistics, Cultural Studies*, 2013, no. 17, pp. 76–101.
- [52] Kulke H. *Ritual Sovereignty and Ritual Policy: Some Historiographic Reflections. State, Power, and Violence*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2010, pp. 603–626.

- [53] Jacobsen T. *The treasures of darkness: a history of Mesopotamian religion*. New Haven; London, Yale University Press, 1976 [In Russ.: Yakobsen T. Sokrovischa t'my. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1995, 293 p.].
- [54] Espak P. *The God Enki in Sumerian Royal Ideology and Mythology*. Tartu, Tartu University press, 2010, 284 p.
- [55] Čermák M. *Thoth in the Pyramid Texts*. Praha, Univerzita Karlova v Praze, 2015, 90 s.
- [56] Stadler M.A. Thoth. *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. URL: <http://digital2.library.ucla.edu/viewItem.do?ark=21198/zz002c4k99> (accessed October 1, 2025).
- [57] Dietrich J. Wisdom in the Cultures of the Ancient World. A General Introduction and Comparison. *Teaching Morality in Antiquity. Wisdom Texts, Oral Traditions, and Images*. Tübingen, Mohr Siebeck, 2018, 304 p.
- [58] Assmann J. *Cultural memory and early civilization: writing, remembrance and political imagination*. Cambridge, MA; London, Harvard University Press, 2011 [In Russ.: Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004, 368 p.].
- [59] David J., Collins S.J., eds. *The Cambridge History of Magic and Witchcraft in the West*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, 798 p.
- [60] McGrath W. *The Diagnostic Series SA.GIG: Ancient Innovations and Adaptations. MoA thesis*. Toronto, University of Toronto, 2016, 73 p.
- [61] Abusch T. *Mesopotamian Witchcraft. Toward a History and Understanding of Babylonian Witchcraft Beliefs and Literature*. Leiden, Brill, 2002, 314 p.
- [62] Steinkeller P. Babylonian priesthood during the third millennium BCE: between sacred and profane. *Journal of Ancient Near Eastern Religions*, 2019, vol. 19, no. 1–2, pp. 112–151.
- [63] Teeter E. *Religion and Ritual in Ancient Egypt*. New York, Cambridge University Press, 2011, 219 p.
- [64] Eyre Ch. The Material Authority of Written Texts in Pharaonic Egypt. In: Hoogendijk Fr. A.J., Gompel, van S.M.T, ed. *The Materiality of Texts from Ancient Egypt*. Leiden, Boston, Brill, 2018, pp. 2–11.
- [65] Allen J.P. *The ancient Egyptian pyramid texts*. Atlanta, Society of Biblical Literature, 2005, 483 p.

Krylov A.O., Cand. Sc. (History), Associate Professor of the History Department at Bauman Moscow State Technical University, Junior Research Fellow at the Centre for the History of Theology and Theological Education at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities. e-mail: dismal.enigma@yandex.ru